

Туланитарный
ЛЕКСИКОН

УДК 008
ББК 71я73
Г94

Печатается по рекомендации ученого совета факультета философии человека РГПУ им. А.И. Герцена

Рецензент: доктор культурологии проф. С.Б. Смирнов

Г94 **Гуманитарный лексикон** : Учебное пособие / Под ред. В.А. Рабоша, Л.В. Никифоровой. — СПб. : Астерион, 2009. — 268 с.

ISBN 978-5-94856-625-2

Учебное пособие знакомит с понятиями, которые стали маркерами процессов модернизации образования, имеют междисциплинарный статус и получили широкое распространение в языке законодательства, СМИ, в профессиональной лексике вузовских педагогов. Жанр лексикона, избранный для учебного пособия, подразумевает не кодификацию академического знания, а открытое эвристичное научное исследование, опирающееся на историю понятий, традицию их концептуализации, приглашающее коллег к соразмышлению. Авторами учебного пособия являются преподаватели факультета философии человека РГПУ им. А.И. Герцена.

Для студентов, аспирантов, преподавателей высших учебных заведений.

ISBN 978-5-94856-625-2

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей (<i>В.А. Рабош, Л.В. Никифорова</i>).....	4
Автор (<i>А.В. Венкова</i>).....	9
Адаптивные стратегии (<i>Л.В. Никифорова</i>).....	19
Бедность (<i>М.С. Матлахова, Л.В. Никифорова</i>).....	30
Благотворительность (<i>М.С. Матлахова</i>).....	42
Вещь как артефакт культуры (<i>М.В. Рон</i>).....	56
Визуальная культура (<i>А.В. Ляшко</i>).....	62
Гуманитаристика (<i>А.П. Валицкая</i>).....	71
Гуманитарная картина мира (<i>А.П. Валицкая</i>).....	77
Гуманитарная экспертиза (<i>Л.В. Никифорова</i>).....	81
Гуманитарное знание (<i>А.В. Конева</i>).....	91
Гуманитарные технологии (<i>Л.В. Никифорова</i>).....	100
Дух, духовность (<i>А.П. Валицкая</i>).....	111
Индивидуальность (<i>А.В. Конева</i>).....	116
Инновации (<i>В.Г. Егоркин</i>).....	127
Картина мира (<i>А.В. Венкова</i>).....	135
Компетентность (<i>Л.В. Никифорова</i>).....	144
Молодежь (<i>С.А. Тихомиров</i>).....	155
Молодежная субкультура (<i>С.А. Тихомиров</i>).....	163
Мягкая власть (<i>Л.В. Никифорова</i>).....	171
Опыт (<i>А.В. Венкова</i>).....	178
Секуляризация (<i>А.В. Суховский</i>).....	188
Социокультурная коммуникация (<i>Т.В. Букина</i>).....	197
Устойчивое развитие (<i>В.А. Рабош</i>).....	209
Философия человека (<i>В.А. Рабош, Д.Ф. Зайцев</i>).....	220
Художественное образование (<i>Э.В. Махрова, С.Н. Токарев</i>).....	237
Целеполагание (<i>В.Г. Егоркин</i>).....	246
Этикет (<i>Н.Л. Леонтьева</i>).....	253
Сведения об авторах.....	266

АВТОР — субъект творческой деятельности. В соответствии с трансформацией представлений о структуре и содержании художественной деятельности от эпохи к эпохе меняется и понимание авторской функции, статуса и роли художника в обществе.

Появление А. в сегодняшнем понимании этого слова принято относить к XVIII веку, когда возникает фигура «свободного» А., получившего независимость от церкви и придворной культуры. С развитием литературного рынка А. оригинальных текстов начинает рассматриваться как правовой субъект, обладающий правом собственности на уникальную редакцию, обязательную к сохранению при печати и распространении. Понимание А. как правового субъекта описывается в терминах оригинальности и собственности, в то время как качества художника-творца напрямую связываются с представлениями о творчестве как о возвышенном роде занятий и о произведении искусства как о форме существования художественных идей. Соединение правовых и творческих аспектов в понимании фигуры А. приводит к осознанию авторства как формы, определяющей возможность приписывания текста тому или иному А.-составителю.

XVIII век оказывается поворотным как для утверждения социального статуса художника, сопровождающегося возникновением новых способов распространения художественной продукции, так и для образования новых моделей взаимодействия А. и публики. В XVIII веке писатель принадлежал к тому же социальному кругу, что и его читатель, имел возможность встречаться и лично контактировать с ним. Тираж книг не превышал нескольких тысяч экземпляров и распространялся в ограниченном кругу образованных людей.

В конце XVIII — начале XIX века с резким увеличением тиражей (до 100 000 экземпляров) круг читателей художественной литературы значительно расширяется. Фигура читателя приобретает черты анонимности. Место личных отношений а А. — читатель занимают законы функционирования безличных массовых отношений. Происходит взаимная анонимизация А. и его предполагаемого адресата. Образ А., слагающийся из личных впечатлений, заменяется неким подобием мифа, приписывающего художнику профетические, не свойственные обычным людям качества (образ романтического художника-гения, художника-отшельника, художника-скитальца). Сегодня в связи с развитием новых медиатехнологий, в частности интернета, и других электронных систем распространения информации наблюдается возвращение к системе анонимного функционирования текстов, «не имеющих А.» или выходящих под вымышленным именем.

Сложение авторской функции напрямую связывается некоторыми исследователями, в частности Р. Бартом, с развитием представлений о языке как о коммуникативной системе, обеспечивающей говорящему и пишущему власть над читающим и слушающим, оказывающимися в положении зависимого лица. Обладающий правом говорить автоматически наделяется властью, получая в свое распоряжение инструмент воздействия на субъекта, подобным правом не обладающего. Во Франции с XVI по XIX в. в роли бесспорных хозяев языка выступали, по мнению Р. Барта, писатели, так как никто (исключая проповедников и юристов, чья власть не выходила за пределы узкопрофессионального владения языком), кроме них, «больше <...> и не говорил». С возрастанием роли говорящих и пишущих в обществе связано формирование института литературы, выполняющего функции социализации субъекта, наделенного авторскими правами.

Понятие авторства ассоциируется с правом собственности на тот или иной существующий текст. Если ранее, как отмечает М. Фуко, дискурс не был предметом присвоения, а рассматривался как явление, располагающееся в «двуполосном пространстве сакрального и профанного», то есть

был либо священным, принадлежащим Богу, от него исходящим или написанным в его честь, либо обыденным, профанным, анонимным и соответственно — не имеющим ни собственника, ни ценностной значимости. С началом Нового времени данная ситуация претерпевает кардинальные изменения. Процесс производства и потребления текстов оказывается втянутым в круговорот отношений купли-продажи, охранения и собственности, где слово становится товаром. С периодом конца XVIII — нач. XIX века связано возникновение и институционализация системы собственности на тексты, остававшейся неизменной вплоть до настоящего времени. Тесная взаимосвязь авторской функции и института авторского права характеризует эпоху индустриально развитых обществ, с присущим ей вниманием к частной собственности.

С утверждением социального статуса А. в обществе, которое сопровождалось осмыслением творческого процесса, с одной стороны, как духовной практики, поднимающей художника над миром обыденности и выделяющей его из круга людей, не приобщенных к искусству, а с другой, — как деятельности по созданию предметов искусства, на которые существует определенный «вкусовой заказ», проблема авторства обрастает кругом вопросов, сохраняющих свою актуальность на протяжении всей истории развития искусства Нового времени.

Современный аспект проблемы, анализ авторской функции в ее отношении к создаваемому художником творению, содержится в работе М. Фуко «Что такое автор?». В первую очередь Фуко указывает на нетождественность имени А. применяемой в повседневном обращении форме имени собственного. В то время как имя собственное указывает на скрывающегося за ним индивида, авторское имя выполняет функцию классификации, позволяя группировать, противопоставлять и сравнивать между собой тексты, тем самым указывая на «статус этого дискурса внутри общества и культуры». Фуко считает, что «авторская функция есть характеристика способа существования, циркуляции и функционирования некоторого числа дискурсов внутри общества».

Одна из основных функций А. — ограничивать распространение смыслов в мире: «А. — принцип экономии значения». Опираясь на предложенные еще св. Иеронимом признаки, Фуко выделяет четыре критерия определения авторской функции по отношению к тексту. 1) А. определяется как постоянный уровень ценности, то есть среди общего количества текстов, написанных одним А., не могут содержаться как гениальные, так и откровенно слабые сочинения; 2) А. определяется как концептуальное или теоретическое соответствие, т.е. в наследии А. не могут быть обнаружены тексты, противоречащие его доктрине; 3) А. понимается как стилистическое единство и 4) как историческая фигура, чья жизнь вписана в определенный ограниченный по времени социокультурный контекст. Только при соблюдении всех этих принципов тот или иной текст может быть приписан какому-либо А.

Среди характеристик авторской функции М. Фуко выделяет следующие: 1) авторская функция связана с юридической и институциональной системой, которая охватывает, определяет и артикулирует универсум дискурсов; 2) она не влияет одинаковым образом на все дискурсы и во всех типах цивилизации; 3) она определяется не спонтанной атрибуцией дискурса тому, кто его производит, но скорее серией специфических и сложных операций; 4) она не ссылается на полностью и прямо реальную личность, так как она может дать начало одновременно нескольким «я», нескольким субъектам-позициям, которые могут быть заняты различными классами индивидов.

Изучение исторической изменчивости авторской функции позволяет приблизиться к проблеме исторической типологии дискурса, определению характера его функционирования в социокультурной системе, предполагающей рассмотрение вопроса об основополагающей роли субъекта в культуре.

Вопрос об авторстве неотделим от вопроса о субъекте, его индивидуальном существовании и бытии. Отношение А. к творению понимается М. Фуко в первую очередь как отношение субъекта к порядку дискурса. Одной из существен-

ных составляющих этого проблемного комплекса является вопрос об А. как о гаранте идентичности текста, правильности и корректности его интерпретации, что влечет за собой постановку вопроса о субъективности и *индивидуальности* художника, автономии произведения, с одной стороны, и проблему представленности А. для адресата — с другой.

Внимание читателя направлено в первую очередь на поиск идентичности А., что подразумевает обретение контуров его творческой и биографической личности, единство проявлений которых и составляет понятие идентичности. Авторское присутствие рассматривается как модель для идентификации и интерпретации продукта художественного творчества, а также как свидетельство «психической репрезентации» А. перед читателем.

Проблема идентичности А. и идентификации читателя не исчерпывается предложенной рецептивно-коммуникативной схемой, помещающей рассмотрение затронутых вопросов внутри треугольника А. — текст — читатель. Проблема А. должна рассматриваться исходя из взаимовлияния двух областей, в которых происходит обмен художественной информацией между А. и адресатом. Это, с одной стороны, сфера автономного существования искусства, с присущим ей кругом исключительно художественных проблем, и с другой — проблема взаимоотношений художника и публики в контексте широкой общественной перспективы. Соединение этих подходов позволяет вывести рассматриваемое явление на более высокий уровень историко-культурных обобщений.

Попытка ответа на вопрос, кого можно считать А., требует учета следующих проблем: 1) проблемы идентичности, поднимающей вопросы авторской *индивидуальности*, субъективности, образа Я, профессионализма и призвания, разграничивающих понятия А.-производителя (В. Беньямин), вписанного в общественную систему и А.-творца, свободного от оков общественной морали, культурных норм и стандартов; 2) вопроса о биографии художника как о культурно-исторической проблеме; 3) проблемы психологии художника как фактора интерпретации его произведений;

4) социологического измерения судьбы художника, проблемы места авторства, института творчества в обществе, зависимости жизненного пути художника от социокультурных факторов, взаимоотношения художника и публики; 5) последний круг вопросов включает проблемы исключительно творческого характера. А. рассматривается здесь как творец уникального мира в искусстве. Характер творческого метода, выработка индивидуальной манеры и языка выражения, приверженность тому или иному стилю или направлению, строение и художественный смысл произведений составляют круг вопросов, подлежащих изучению на этом уровне.

Существенным аспектом определения понятия авторства является проблема различения А. — реально существующего лица и А., чей образ может быть реконструирован на основе текста произведения и рассмотрен в качестве его составляющей. В первом случае речь идет о неделимой целостности личности художника, с присущим ей устоявшимся набором качеств, в то время как образ А. или авторская маска в тексте может изменяться от произведения к произведению.

Двойственность понимания А. как реального человека и воплощения в ткани художественного текста привела в настоящее время к устойчивому разделению проявлений авторства на формы внешние, эмпирические и внутренние, имплицитные (заклученные в тексте). Подобная точка зрения встречается уже у Р. Ингардена, который подчеркивает многозначность слова «А.» и предлагает употреблять его в трех значениях, два из которых являются характеристикой фигуры А., обнаруживаемой на уровне произведения. 1. «А. как тот или иной реальный человек, трансцендентный относительно созданного им произведения и известный нам по другим источникам (из жизни, из информации других лиц и т.д.» 2. «А. как субъект, представленный в самом произведении (особенно в литературном), то есть как лицо, “само по себе” повествующее и переплетающее свою судьбу с судьбами лиц, принадлежащих к изображенному в произведении миру, или как, например, лирический субъект... А. в этом значении слова является одним из компонентов произведения». И, наконец, 3. А. как присущий данному произведе-

нию искусства создающий субъект, который обозначается (как в своем существовании, так и в своих качествах, творческих возможностях, пристрастиях в отношении к миру и характере его восприятия и т. д.) самим произведением, так что из самого произведения, и только из произведения, мы о нем узнаем. Призывая не смешивать трех значений слова «А.» и сосредоточить внимание на исследовании двух последних, не прибегая к накоплению смыслового «мусора» в виде биографических фактов и сплетен о жизни художника, Р. Ингарден не отвечает на вопрос о соотношении трех значений. Такой метод исследования призван сохранять, по его мнению, чистоту подхода классической эстетики к анализу произведений искусства.

Аналогичная точка зрения характеризует позицию М. Бахтина. В работе «Проблема А.» он дает следующее определение А.: это «человек, организующий формально-содержательный центр художественного видения, притом данный человек в его ценностной наличности в мире». М. Бахтин считает необходимым и важным отделение фигуры создающего от созданного им мира, так как А. является активным его творцом и одновременно центром, в котором сходятся все смысловые, содержательные и мировоззренческие перспективы произведения. А. должен находиться на границе вымышленного им мира, так как «вторжение его в этот мир разрушает его эстетическую устойчивость».

Исходя из необходимости выделения фигуры А. из внутреннего мира произведения, М. Бахтин предлагает отличать А.-творца (момент произведения) как организующий принцип видения, и А.-человека (этический момент), наделенного социальным бытием и способного выступать в качестве предмета или объекта видения. А.-творец понимается как завершающее единство, носитель «избытка видения», ориентирующий героя и читателя в созданном им мире.

М. Бахтин выступал с критикой биографического метода, ведущего, по его мнению, к смешению социального и художественного миров, что влечет за собой подмену эстетического объекта изучения общественно-социальным. «А. должен быть, прежде всего, понят из события произведения

как участник его, как авторитетный руководитель в нем читателя. <...> Внутри произведения для читателя А. — совокупность творческих принципов, долженствующих быть осуществленными...».

Большое значение для закрепления разграничения проявлений авторства в искусстве и жизни имели введенные представителями рецептивной эстетики и нарратологии категории имплицитного и эмпирического А. (Х. Линк, У. Бут, Е.А. Хаард, С. Чэтман и др). Здесь, так же как в работах Р. Ингардена и М. Бахтина, имплицитный, или заключенный в тексте А. противопоставляется в качестве «принципа, организующего все средства повествования» фигуре реального существующего А.-человека. С. Чэтман высказывает аналогичное требование — ограничиться изучением фигуры имплицитного А., поскольку «отождествить “имплицитного А.”», структурный принцип, с определенной исторической фигурой, которой мы можем восхищаться или не восхищаться морально, политически или лично, — значит серьезно подорвать нашу теоретическую концепцию».

Новый взгляд на проблему соотносительности внутритекстового и внетекстового проявлений авторской функции предлагает В. Изер в работе «Имплицитный читатель». Он выводит проблему авторства из сферы узкоспециальных искусствоведческих, социологических, исторических исследований на уровень мировоззренческих и общекультурных обобщений. А. выступает здесь как единство перспектив его творческих проявлений, личной биографии и судьбы на фоне широкой социокультурной проблематики и духовного климата эпохи, в рамках которой развивается его творчество. Изер рассматривает эпоху как связующее поле событий, объясняющих и наглядно демонстрирующих базовые мировоззренческие установки, лежащие в основе возможности человека войти в мир и осмыслить свое положение в нем. Изер оперирует такими понятиями, как картина действительности, чувство согласованности с миром, содержание сознания эпохи, идентичность и самосознание.

Примером, демонстрирующим изоморфность процессов, происходящих на уровне социума и творческого метода,

может служить данная Б. Гройсом в книге «Утопия и обмен» характеристика А. как стратега, перераспределяющего посредством творчества содержание и границы зон профанного и культурно артикулированного, а художественной деятельности — как процедуры «валоризации профанного». Сходным образом В. Беньямин рассматривает А. как «производителя» художественной продукции, поставленного в зависимость от условий политической и экономической диктатуры, но в то же время непосредственным образом участвующего в формировании коллективного оптического бессознательного эпохи.

Таким образом, рассмотрение фигуры А. ведется в нескольких содержательных плоскостях. Во-первых, это взгляд на А. как представителя культурной эпохи, выразителя ее мировоззренческих, эстетических и прочих установок. На этом уровне на первый план выходит не авторская функция художника как субъекта творчества, а роднящая его с другими общность судьбы в условиях единых для всех членов сообщества социокультурных обстоятельств. Во-вторых, А. рассматривается как реально существующее лицо, с присущей ему психологией, личной судьбой, положением в обществе. Далее, А. изучается как художник, работающий в рамках определенного творческого метода. И, наконец, А. рассматривается как «имплицитно» заключенная в тексте фигура, составляющая образ А., авторскую маску.

Фигура А. описывается как катализатор процессов обновления и трансформации, участвующих в сложении картины мира той или иной культурной эпохи. Позиция А.-творца рассматривается в тесной связи с возможностями воспринимающих субъектов принимать и утверждать в жизненной практике предложенные художником модели восприятия и формы поведения.

Литература: *Барт Р.* Писатели и пишушие // *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М., 1994; *Бурдьё П.* Чтение, читатели, ученые, литература // *Бурдьё П.* Начала. — М., 1994; *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. — М., 1986; *Бутенко И.А.* Читатели

Гуманитарный лексикон

и чтение на исходе XX века: социологические аспекты. — М., 1997; Виала А. Рождение писателя: Социология литературы классического века // Новое литературное обозрение. — 1997. — № 25; Ингарден Р. Исследования по эстетике. — М., 1962; Руднев В. Модернистская и авангардная личность как культурно-психологический феномен // Русский авангард в кругу европейской культуры. — М., 1993; Фрейд З. Художник и фантазирование. — М., 1995; Фуко М. Что такое автор? // Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет. — М., 1996; Хаксли О. Писатели и читатели // Иностранная литература. — 1998. — № 4; Шартье Р. Автор в системе книгопечатания // Письменная культура и общество. — М., 2006; Эскарпи Р. Чтение в изменяющемся мире // Чтение в изменяющемся мире: Сб. науч. раб. — М., 1974; Bäumer R. Autor // Moderne Literatur in Grundbegriffen: (Hrsg. von Borchmeyer D. und Zmegac V.) — Tübingen, 1994; Benjamin W. The Author as Producer // Art in Theory. An Anthology of Changing Ideas / Ed. by Charles Harrison & Paul Wood. — Oxford, 1993; Chatman S. Story and discourse: Narrative structure in fiction and Film — Ithaca; L., 1978; Iser W. Der Akt des Lesens: Theorie ästhetischen Wirkung. — München, 1976; Die Rolle des Autors: Analysen und Gespräche / Hrsg. von Schneider I. — Stuttgart, 1981; Weinrich H. Der Leser braucht den Autor // Identität, Poetik und Hermeneutik. VIII / Hrsg. von O. Marquard und K. Stierle. — München, 1979.

А.В. Венкова

АДАПТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ — способы взаимодействия личности (группы, общества) и социокультурной среды в условиях изменений. Коррелирует с понятиями «адаптационное поведение», «способы и формы адаптации».

Классификация и характеристика А.с. связаны с понятием адаптации, содержание которого формируется и уточняется на перекрестке естественных и гуманитарных наук, среди последних — культурология, этнология, психология, социология и социальная антропология, кибернетика, теория управления, информатика. Понимание адаптации разворачивается в рамках общей модели «организм / среда», где под организмом могут пониматься живая особь, человек, человеческое сообщество, а под средой — природа, общество, культура. Взаимоотношения между организмом и средой описываются как воздействие, вызывающее изменение. Адаптация в самом общем виде понимается как процесс приспособления к изменениям и как результат этого процесса. Различные подходы к трактовке феномена адаптации и соответствующих А.с. можно условно представить в двух основных парадигмах: стабильности (классическое понимание адаптации) и нестабильности (понимание, активно формирующееся в современной науке).

В парадигме стабильности нормой взаимоотношений человека и среды полагается устойчивость (в биологии — гомеостаз как состояние динамического равновесия). Необходимость в адаптации вызывается к жизни отклонениями от нормы, в результате восстанавливается утраченная стабильность ценой приобретения организмом (человеком, группой, сообществом) неких новых качеств. Источником изменений выступает большое целое (среда), адаптироваться к нему вынужден человек, социальная группа, общество как часть этого большого целого.

Наиболее общим является понятие адаптации и А.с. в этнологии и культурологии. В этнологии акцент делался на изучении адаптации человеческого общества к природной среде, «вмещающему ландшафту», культура рассматривается как механизм, посредством которого такая адаптация осуществлялась. Здесь А.с. — это путь, по которому пошло развитие человеческой общности в условиях выбора одной из нескольких доступных возможностей в данной среде обитания. Выбор определялся целым комплексом факторов — особенностями природной среды, уровнем технологического развития, традициями, ценностями группы, внешним воздействием и множеством других факторов (см. обзор проблемы у С.В. Лурье).

Сравнение взаимоотношений культуры и природы в исторической динамике привело к противопоставлению А.с. традиционных культур и трансформативной стратегии модернизированной индустриальной культуры. В этом случае А.с. культуры понимаются как неистощимое использование биосферы, как частичная перестройка экосистемы с сохранением ее стабилизирующих взаимосвязей, встраивание систем жизнеобеспечения в систему биогеоценоза. Трансформативные стратегии, напротив, связаны с приспособлением природных условий для применения механизированных технологий, направлены на получение максимального валового объема продукции в максимально короткие сроки при наиболее эффективном использовании серийной техники (А.В. Беликович). В контексте экологических проблем современности особую актуальность получило исследование экстремальных климатических зон как областей гармоничного сосуществования культуры и природы. В особенности это относится к Арктике, которая рассматривается как стратегический резерв (ресурсный, территориальный, экологический) и становится ареной столкновения экономических и политических интересов.

В отечественной культурологии процесс адаптации понимается как важнейший фактор биосоциокультурогенеза. В отличие от адаптации живых организмов, которая носит преимущественно пассивный характер приспособле-

ния к среде обитания, социокультурная адаптация ведет и к изменениям среды под воздействием человеческой деятельности, к созданию культурного ландшафта. Культура определяется как универсальная адаптивно-адаптирующая система. Считается, что социокультурная адаптация претерпела значительную эволюцию — в ней возрастает значимость приспособления к новым историческим и социальным условиям по сравнению с необходимостью приспосабливаться к меняющимся природным условиям и приспособлять их к потребностям самообеспечения человеческих сообществ (Э.С. Маркарян, А.Я. Флиер).

К широко понимаемым А.с. могут быть отнесены т.н. динамические стратегии, проанализированные Н.С. Розовым как базовые факторы культурной динамики. Здесь стратегии — объективные ориентации, сферы принятия решений людьми, стремящимися преодолеть ситуации неудовлетворения их ценностей и потребностей. 1. Антропно-воспроизводственная стратегия — увеличение числа детей в семьях, выращивание, воспитание и образование новых поколений, соответствующее увеличение числа семей. 2. Миграционная стратегия — переселение и хозяйственное освоение новых территорий. 3. Технологическая стратегия — заимствование или самостоятельное совершенствование, реализация и распространение методов и средств материальной деятельности. 4. Стратегия насилия/обороны — набеги, грабежи, завоевания, конфискации и экспроприации как чисто принудительный отъем ресурсов и благ у других общностей или групп, а также действия по подготовке к насилию и/или обороне — обеспечению безопасности от насилия. 5. Коммерческая стратегия — налаживание и расширение обмена между индивидами и общностями — дары, потлач, бартер, торговля, ростовщичество, кредитование, инвестирование и т.д. 6. Культурная стратегия — заимствование, совершенствование и распространение любого рода образцов деятельности, мышления, общения. 7. Социоинженерная стратегия — заимствование, совершенствование, изобретение и распространение социальных форм для изменения режима социального функционирования — порядка власти, прав на

принятие и проведение решений, отношений обмена, доступа к ресурсам и благам.

Понятие социокультурной адаптации, связанное с философским пониманием культуры как способа человеческой деятельности, отличается объективизмом: наиболее существенные изменения в культуре полагаются результатом действия процесса, не зависящего от воли отдельных личностей, такого например, как смена исторических типов культур. На этом фоне индивидуальные жизненные стратегии являются не существенными факторами изменений, но частным случаем А.с. большого культурного сообщества, сформировавшихся на протяжении многих поколений.

Иное содержание понятия культурной адаптации связано с процессом взаимодействия разных культур, здесь понятие «культура» имеет более узкое значение — устойчивое макрообщество. Контакт с другой культурой является пусковым механизмом изменений, которые могут быть описаны как процесс адаптации. В модели Редфилда, Линтона, Херсковица выделяются культура-донор и культура-реципиент и три основных стратегии взаимодействия: принятие (полное замещение старого культурного паттерна новым, почерпнутым у донора), собственно адаптация (частичное изменение паттерна), реакция (отторжение культурных паттернов донора). При этом каждую из них можно рассматривать как А.с.: даже усиленные попытки удержаться от изменений, сохранить или реанимировать собственную традицию при встрече с иными культурными стандартами представляют собой способ адаптации.

Еще более узкое понятие социокультурной адаптации связано с процессом аккультурации, где изменения вызваны попаданием человека в кардинально новую для него среду (миграция, смена профессии или социального статуса, служба в армии, тюремное заключение) или радикальной сменой условий жизни (революция, война, стихийное бедствие). В этом контексте А.с. понимаются, с одной стороны, как способы включения новых членов в некую стабильную культурную систему (это может быть целенаправленная система мер или совокупность привычных моделей взаимо-

отношений свой/чужой), с другой стороны, как индивидуально избранные жизненные и групповые стратегии, ведущие к различной степени аккультурации. Так, в отношении мигрантов принято выделять четыре А.с.: ассимиляцию, интеграцию, сепарацию, маргинализацию (Дж. Бери).

Изучение адаптационных процессов тесно связано с представлениями об эмоциональном напряжении и стрессе. В концепции основоположника теории стресса Г. Селье основное внимание уделялось анализу физиологической адаптивной реакции организма. В психологии второй половины XX века обосновано положение о том, что способность преодолевать стресс (адаптивная способность) в большинстве случаев более важна, чем природа стресса, частота его воздействия. В транзакциональной когнитивной теории стресса и копинг-поведения (от англ. to cope — преодолевать) в качестве А.с. выступают копинг-стратегии — способы управления стрессорирующим фактором, возникающие как ответ личности на воспринимаемую угрозу (Р. Лазарус). Поведенческие копинг-стратегии подразделяются на активные и пассивные, адаптивные и дезадаптивные. К активным стратегиям относят стратегию «разрешения проблем» и стратегию «поиска социальной поддержки», к пассивному — стратегию «избегания». Теория копинг-поведения используется службами психологической поддержки, а также в управлении для обучения персонала компаний.

Концепт адаптации использован в изучении структур социального порядка. Р.К. Мертон понимал социальный порядок как соотношение между определяемыми культурой целями и приемлемыми способами их достижения — институциональной сферой дозволенного поведения. Три типа социального порядка, по Мертону: 1) ценность определенных целей в сочетании с малой озабоченностью средствами их достижения; 2) ценность средств при забвении целей, ритуалистическая приверженность к институционально предписанному поведению приобретает характер одержимости; 3) равновесие целей и способов достижения. Трех идеальным типам социального порядка соответствуют пять А.с. индивидуума к социальным условиям: 1) подчинение — принятие

и целей, и средств, наиболее распространенное в любом обществе; 2) инновация (принятие целей и устранение институционализированных средств); 3) ритуализм — отказ от целей (замена целей) и принятие средств; 4) ретретизм — отказ от целей, отказ от средств, так действуют «чужаки» — парии, бродяги, хулиганы, хронические наркоманы, алкоголики; 5) мятеж — замена целей, замена средств. Важно обратить внимание на то, что Р. Мертон рассматривает адаптацию не как дискретный, а как постоянный процесс, сопровождающий человека в обществе.

М.В. Ромм предложил различать два основных типа А.с., объединяющих макро-, микро- и мезоуровни субъектов адаптации. Первый: стратегии социализации и аккумуляции, позволяющие обществу безболезненно включать личность (группу) в объективно сложившуюся систему социально приемлемых структур, ролей и взаимодействий, в которых личность могла бы приносить себе и обществу максимальную пользу. Стратегические задачи такого рода выполняются социальными институтами. Второй: способы преодоления адаптивных барьеров, которые затрудняют или парализуют процессы социализации и аккумуляции. Могут реализовываться как индивидуальные практики — на личном опыте переживания экстремальных ситуаций (А. Гостюшин) или с помощью профессиональной поддержки (медицинской, психологической, социальной помощи).

Во второй парадигме (нестабильности) нормой взаимоотношений человека (группы, общества) и среды признается стремительность и непредсказуемость изменений. Намечалась в 1960-е годы, связана с задачами создания искусственного интеллекта (где адаптивность рассматривается как важнейшее свойство интеллекта, а проблема создания искусственного интеллекта упирается в создание «самонастраивающейся» системы), теорией систем, синергетикой, ярко проявилась в теории постиндустриального общества. В этой парадигме понятие «культура», как правило, редуцировано, а часто вообще не проблематизировано, тогда как понятие адаптации играет существенную роль. Понимание среды как потока постоянных непрекращающихся существ-

венных изменений (не перемена погоды, а смена климата, не изменение профессии, а тотальное изменение профессиональной среды, не расторжение брака, а разрушение института семьи) превращает адаптацию в главный способ жизни не только культуры, но каждого человека. Целью и результатом адаптации становится не восстановление утраченного равновесия, а возможность удержаться в вихре перемен. Процесс социокультурной адаптации из спокойного, размеренного, плавно разворачивающегося в историческом времени становится непрекращающейся борьбой за существование, ставка в которой — жизнь и судьба каждого человека (Э. Тоффлер. «Шок будущего», «Третья волна»).

Для изменения содержания А.с. важна трактовка стратегии, предложенная П. Бурдые: это продукт практического чувства как чувства игры, — особой исторически определенной социальной игры; «хороший игрок делает в каждый момент то, что нужно, что спрашивается и требуется игрой... это предполагает постоянное изобретение, необходимое, чтобы адаптироваться к бесконечно разнообразным ситуациям, никогда не бывающим совершенно идентичными» («Практическое чувство»).

В рамках парадигмы нестабильности актуализирован тезис о двух типах ответов на воздействие среды, выдвинутый в 1960-х гг. в интеракционистской концепции адаптации (Л. Филипс, Т. Шибутани). Первый — принятие и эффективный ответ на те социальные ожидания, с которыми каждый встречается в жизни; здесь адаптация выступает как приспособление, прилаживание к среде. Второй — гибкость и эффективность при встрече с новыми и потенциально опасными условиями, понимаемые как способность придавать событиям желательное для себя направление. В этом смысле адаптация означает возможность приспособить среду к собственным целям, ценностям и стремлениям, поведение такого типа характеризуется как творческое.

В совр. англ. научной лексике существуют два близких понятия *adjustment* и *adaptation*. Первое означает, как правило, приспособление к условиям среды. Второе — *adaptation* — имеет более широкое значение и подразумевает, в том

числе, воздействие человека (группы) на среду. В русском языке иностранное слово «адаптация» понимается в большинстве случаев как «приспособление к среде», тогда как в значении «воздействие на» требует специальных оговорок. От этого в отечественной культурологии возникло такое громоздкое словосочетание, как «адаптивно-адаптирующий механизм». Между тем, начиная с 1960-х годов, в западной литературе по социологии, психологии, экономике, теории управления адаптация понимается, прежде всего, как способность управлять обстоятельствами, а не подчиняться им.

В социологии Т. Парсонса адаптация — компонент структуры действия, обязательное условие функционирования системы — раскрывается и как приспособление к условиям, и как «приспособление таким образом, чтобы наиболее эффективным способом достигнуть своих целей». По Парсонсу, в эволюции обществ, как и в биологической эволюции, происходили скачки адаптивной способности, один из которых привел к возникновению «современного общества» (индустриального). Увеличение адаптивной способности означает, что общество становится все менее подвержено воздействиям внешней среды и все более способно воздействовать на нее («О структуре социального действия», «Система современных обществ»).

У Дж. Гэлбрэйта («Новое индустриальное общество») адаптация — «участие в деятельности организации, с тем чтобы приспособить ее цели к собственным интересам». Рассматривается как важнейший побудительный мотив деятельности «новой техноструктуры» — слоя высококвалифицированных сотрудников развитой индустриальной корпорации, обладающих реальной властью в вопросах управления, в отличие от собственников и акционеров, чья власть становится номинальной. Формирование этого класса привело к т.н. революции управленцев.

В современных словарях по психологии и социологии А.с. определяется как специфическое функциональное, психическое и морально-мотивационное состояние личности, воплощающееся в стремлении активно противостоять экстремальным воздействиям и тем самым активно приспособ-

сближаться к экстремальным условиям жизнедеятельности. В теории управления А.с. раскрывается как способ решения задач в условиях недостатка информации и в непредсказуемой среде; формы организации и планирования деятельности, которая будет происходить с учетом высокой скорости изменений, недостатка информации, вариативности развития событий, непредсказуемости результатов.

Идея адаптивной организации процесса управления, предложенная У. Беннисом (1968), концепция «адаптивной корпорации» Э. Тоффлера (1985) призваны были подчеркнуть преимущества такого управления, при котором организация была бы в состоянии незамедлительно отреагировать на новые требования времени. Основной принцип такой организации — адхократия (от лат. *ad hoc* — для того чтобы, по случаю, предназначено только для данной цели) — «власть интеллектуалов, мобилизованных по конкретному поводу» (Э. Тоффлер. «Третья волна»). Такая стратегия управления выражается в росте числа временных организаций — проблемных групп, проектных команд. Адхократия (система адаптивных подразделений) рассматривается как предельная форма гибкости организации. Основным методом адхократии являются эмерджентные стратегии (от англ. *emergency* — непредвиденный), структурными особенностями — модульная и сетевая организация. Если для первоначальной идеи адаптивной корпорации характерна схема «потребность — новый продукт — новая технология», то для инновационных креативных корпораций, использующих стратегию технологического лидерства, схема приобретает вид «технологический прорыв — новая продукция — новая потребность». Такая схема может быть понята как осознанная практическая реализация концептуальных положений, выдвинутых при анализе общества потребления (Д. Гэлбрэйт, Ж. Бодрийяр), «символического потребления» (Ж. Бодрийяр), где переосмыслены механизмы формирования потребностей и сам феномен потребностей. Общество потребления — это не общество, в котором индивид может удовлетворять свои растущие потребности, — это общество, в котором потребности производятся индустриальным способом,

навязываются личности, становятся обязанностью, от которой невозможно уклониться.

В теории постиндустриального общества способность к адаптации рассматривается как важнейшее качество личности, которой уготовано жить в новом типе общества. «Для того чтобы иметь дело с новой реальностью, мы должны добровольно отлить в новую форму себя и свои институты» (Э. Тоффлер. «Третья волна»). Людьми будущего являются, по Тоффлеру, те, кто способен к самореализации в ситуации постоянных и непредсказуемых изменений, обладает «новой темпоральностью». Ее симптомы — стремление к динамичному темпу жизни, умение чувствовать себя комфортно в вихре перемен, способность покинуть любое место (в т.ч. место работы, дом, родину, профессиональную или любую иную иерархию), умение разорвать всяческие социальные связи (профессиональные, семейные, гражданские), психологическая способность не придавать всему этому серьезного значения, быть «чужим среди чужих» («Шок будущего»). Именно такие люди будут играть главные роли в обществе Третьей волны, другим уготованы различные меры социальной и психологической поддержки, призванные смягчить эффект разрушения картины мира предшествующей эпохи.

Литература: *Беликович А.В.* Арктика: земля и люди: Анализ национальной земельной политики северных федераций. — Магадан, 1995; *Витенберг Е.В.* Социально-психологические факторы адаптации к социальным и культурным изменениям. — СПб., 1994; *Георгиевский А.Б.* Эволюция адаптаций: историко-методологическое исследование. — Л., 1989; *Гостюшин А.* Энциклопедия экстремальных ситуаций. — М., 1994; Копинг-поведение сотрудников ОВД: учебное пособие / *Лебедев И.Б., Простяков В.В., Цветков В.Л.* — М., 2005; *Кузнецов П.С.* Концепция социальной адаптации. — Саратов, 2000; *Красникова Т.С.* Адхократическая организация: генезис понятий и базовых представлений // Вестник СПбГУ. Сер. 8. — 2003. — Вып. 4 (№ 32); *Лебедева Н.М.* Социальная психология этнических миграций. — М., 1994; *Лурье С.В.* Историческая этнология. — М., 2004; *Маркарян Э.С.* и др. Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурного исследования (на примере армянской сельской культуры). — Ереван, 1983; *Мертон Р.*

Адаптивные стратегии

Социальная теория и социальная структура. — М., 2006; *Налчаджан А.А.* Этногенез и ассимиляция. — М., 2006; *Розов Н.С.* Начало рациональной философии истории. Познавательные средства теоретической истории. — М., 2005; *Советова О.С.* Инновации: трудности и возможности адаптации. — СПб., 2004; *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. — М., 2003; *Флиер А.Я.* Культурология для культурологов. — М., 2000; *Berry J.W.* Human ecology and cognitive style: Comparative studies in cultural and psychological adaptation. — London, 1976; *Lazarus R.S., Folkman S.* Stress, appraisal and coping. — New York, 1984; *Philips L.* Human adaptation and his failures. — N.-Y. and London: Academic Press, 1968; *Ward C., Kennedy A.* Psychological and Socio-cultural Adjustment. — 1993.

Л.В. Никифорова

БЕДНОСТЬ — в русском языке отвлеченное существ., производное от прилагательного «бедный», однокоренное слову «беда» (словарь Д.Н. Ушакова), этимологически Б. — следствие беды и несчастья, что схвачено синонимическим рядом: «В народе бедный значит бедующий, бедствующий, несчастный, бедный счастьем, долей, достойный сожаления, возбуждающий сострадание» (словарь В.И. Даля). В современной науке Б. рассматривается как характеристика уровня жизни человека или группы, социального статуса, способа самоидентификации.

Б. в исторической динамике культуры. В традиционном доиндустриальном обществе Б., т.е. скудость пищи, крова и одежд, понималась как естественная и вполне приемлемая форма существования. Такому обществу свойственно моральное принятие Б., отношение к ней не только как к привычной норме, но и как к ценности. Это нашло отражение в канонизации образов бедствующих людей, путников, нуждающихся в милости, в сакрализации нищих, аскетов, в практике монашеских орденов. В средневековой христианской традиции Б. воспринималась как облагораживающее условие жизни общества, добровольная форма нищенства являла собой христианский подвиг, а помощь нищим была богоугодным делом. В системе ценностей традиционной культуры Б. телесного существования была чревата духовным богатством.

В традиционном обществе моделью хозяйственной деятельности является «ойкономия» — домохозяйство, основанное на внеэкономических стратегиях — взаимной поддержке и заботе. Забота о детях, стариках, инвалидах являлась само собой разумеющейся обязанностью сообщества, и, в том числе, власти. Человек в традиционной культуре может умереть от голода или холода, только если все общество будет го-